

УДК 159.9

**ЭСКАПИЗМ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ**

КЛОЧНЕВА Дарья Андреевна

Магистрант факультета психологии

ФГБОУ "Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого"

г. Тула, Россия

Статья посвящена изучению феномена эскапизма в современном социокультурном пространстве. Рассматриваются наиболее частотные дефиниции данного понятия в отечественной и зарубежной литературе. В исторической ретроспективе анализируются позитивные и негативные аспекты эскапистской стратегии поведения. Выявляются актуальные - нормальные и патологические - формы "бегства", индуцированные особенностями современного социокультурного средового контекста.

Ключевые слова: эскапизм, глобализация, протестное действие.

ESCAPISM IN A MODERN SOCIOCULTURAL CONTEXT

KLOCHNEVA Daria Andreevna

Master's student at the Faculty of Psychology

L.N. Tolstoy's Tula State Pedagogical University

Tula, Russia

The article is devoted to the study of the phenomenon of escapism in the modern socio-cultural space. The most frequent definitions of this concept in domestic and foreign literature are considered. In historical retrospective, the positive and negative aspects of the escapist behavior strategy are analyzed. Revealed actual - normal

and pathological - forms of "flight", induced by the peculiarities of the modern socio-cultural environment.

Key words: *escapism, globalization, protest action.*

Глобализация, начавшаяся на стыке двух тысячелетий, сегодня охватила и коренным образом преобразовала все сферы человеческой жизнедеятельности. Однако ее аксиология, сформировавшая динамическую систему новых нарративов и прескрипций, привела к дезинтеграции бытия отдельного индивида и его "домашнего" сообщества. В связи с этим в междисциплинарном дискурсе не утихают споры о путях нейтрализации наиболее опасных последствий всемирной культурной и экономической трансформации, одним из итогов которой является массовый эскапизм.

Несмотря на то, что феномен "бегства" органически вплетен в современный социокультурный контекст, "как психологический конструкт он недостаточно исследован, нет однозначного понятийного толкования сущности эскапизма, ощущается дефицит эмпирических исследований" [1, с.21].

Так, Конрад Дуден определяет данное явление двояко: как "склонность к бегству от реальности и действительных потребностей жизни в воображаемую псевдореальность", а также в качестве отвлечения и "пристрастия к удовольствиям, особенно в результате сознательного отказа от установленных норм и моделей поведения"[8]. Как мы видим, вторая часть определения более негативна и центрирована на психопатическом аспекте проблемы.

В противовес этой позиции Оксфордский словарь сложных слов характеризует эскапизм более нейтрально, подразумевая под ним склонность к отвлечению и поиску избавления от неприятных реалий действительности в развлечениях или фантазировании [9, p.160]. Отечественные же психологи, такие как Д.Г. Литинская [2] и Е.Н. Шапинская [7], рассматривают "бегство" прежде всего в качестве стратегии самоидентификации. Однако в более широком смысле эскапизм можно трактовать как "неотъемлемо присутствующую у любого индивида составляющую его сознания и психики, которая заставляет человека по-

стоянно создавать новые точки притяжения, к которым его сознание стремится убежать" [6, с.96].

Как иронично замечает Е.О. Труфанова, полное отсутствие эскапистских черт, будет, вероятно, свидетельствовать об особой психической патологии, "которую нам даже трудно себе представить, ведь это бы означало, что у него[индивида - п.а] должна полностью отсутствовать такая психическая способность как воображение" [6, с.96].

О.И. Теславская, Т.Н. Савченко, А.А. Кардапольцева и Е.В. Беловол рассматривали эскапизм прежде всего как некую "форму активности личности", возникающую вследствие рассогласования "реальных и желаемых ценностных структур" [5, с. 57]. Таким образом, исследователи подчеркивали позитивную функцию "бегства», заключающуюся в удовлетворении глубинных индивидуальных потребностей, которые не достигаются в реальной жизни человека. Поэтому исследователи неоднократно подчеркивали, что "эскапизм представляет не отклонение от нормы, а скорее адекватную реакцию на неадекватную ситуацию, поскольку возникает, когда внешние обстоятельства ... ставят под угрозу удовлетворение глубоких и активных мотивов и потребностей" [5, с.58].

Стоит также отметить, что сегодня долгосрочная динамика исследований данного феномена неразрывно связана с изучением видеоигровой зависимости. Уже сегодня публикации Ф. Стенсенга и Н. Йее дают богатый материал для построения новой модели "бегства", основанной на тонкой хирургии его мотивов и следствий.

Нехватка единого категориального аппарата породила множество типологий эскапизма с разделением его на инструментальный (служащий адаптации) и экзистенциальный (выраженный в радикальном разрыве с внешним миром) (Д.Г. Литинская); "мягкий" и "жесткий" (Е.О. Труфанова); "активный", "пассивный" и "компенсаторный" (Е.А. Башарова) и пр.; а также вызвала необходимость в ранжировании интенсивности проявления черт эскапистского сознания, что совсем недавно было произведено в исследовании О.И. Теславской и Т.Н. Савченко [4, с.162].

Таким образом, в междисциплинарном поле современной научной литературы, эскапизм преимущественно представляют как нечто негативное, выраженное в искажении границы между реальностью и воображением, в отказе от активной жизненной позиции в пользу убежденного бессилия. И на первый взгляд действительно может показаться, что эскапизм является одним из самых непродуктивных и даже абсурдных способов выхода из конфликтных ситуаций. Однако А.Ш. Гусейнов, рассматривавший подобный "уход в себя" в фокусе протестной реакции [1, с.30], приводит множество литературных и бытийных примеров, опровергающих данное положение.

Так, в исторической ретроспективе, феномен "бегства" мог быть синонимом храбрости и борьбы за обретение истинного смысла. Ярким примером этого является смерть Сократа, отвернувшегося от всякой возможности спасения. Его уход был связан с глубинным протестом против нравов афинского общества и явился выражением твердой личностной позиции, подкрепленной и обоснованной сложившимся, целостным мировоззрением. "Нет, Сократ, - напоминает он себе и верным ученикам, - ...не ставь ничего выше справедливости - ни детей, ни жизнь, ни что-нибудь еще" [3, с.67]. Схожие мотивы мы можем проследить в воспоминаниях французских революционеров XVIII века, русских народников, первых коммунистов, в ходе мирных индийских кампаний неповиновения Махатма Ганди и религиозной аскезе православных христианских мучеников. Во всех этих случаях "бегство" и уход от общества является "следствием напряженной внутренней работы, связанной с духовным поиском веры, смыслов и ценностей" [1, с.23]. Даже ведомый силой обреченных экзистенциальных иллюзий - как в случае французской революции, окончившейся кровавым террором и реставрацией монархии - эскапизм во всех приведенных выше примерах опирался на стремление к справедливости и желание избавления от ложных символов, он делал ставку на счастье, авансом преподнося человеческую боль.

Сегодняшние формы "побега" сохраняют аутентичные элементы своих корней, постоянно колеблясь между нормой и девиацией. Большая часть пси-

хологических исследований, связанных с данной темой, носит однозначно негативный характер, фокусируясь на патологических аспектах проблемы, таких как : "бегство в болезнь" или "бегство в слабость", при которых невротик невольно подписывает "презумпция невиновности" под любым проявлением своего бессилия, пассивности и страха.

Часть авторов также упоминает такие заболевания как аутизм, синдром дереализации и пр. Однако, как справедливо отмечает Труфанова Е.О.: "...в них ... присутствует лишь половина содержания "эскапистского сознания", т.е. присутствует сам факт "бегства", однако отсутствует продуктивная составляющая эскапизма" [6, с.100]. Уязвимость поколения, растущего в виртуальном веке, проявляется во множестве обструктивных форм поведения подростков: распространении феноменов бродяжничества, алкоголизма и всевозможных зависимостей от запрещенных психотропных веществ. Однако более глубокое проникновение в сущность "бегства" покажет, что аддикция здесь коррелирует с непревзойденным творческим потенциалом этого же молодого поколения: его новой литературой, прямолинейной уличной художественной эстетикой и широким волонтерским движением, проводимым в поддержку наиболее незащищенных общественных групп (таких, как пенсионеры, инвалиды по здоровью и пр.).

Таким образом, в современной социокультурной среде эскапизм нужно рассматривать не как частную девиацию, но как симптом распространившейся формы дискомфорта, который человек испытывает в процессе социального взаимодействия. Однако данный механизм нельзя однозначно отнести к числу дезадаптивных действий или реакций беспомощности. В ряде случаев, связанных со сферами религии, искусства и общественной работы данное явление напротив обнаруживает мощный творческий, протестный потенциал, создающий условия для настоящих и будущих открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А.Ш. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Сообщество. управление – 2013. – № 3. – С. 20-33.
2. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации – М.: Левъ, 2013. – 212 с.
3. Платон. Диалоги: [перевод с древнегреческого]. – М.: Эскимо – 2020. – 464 с.
4. Теславская О.И., Савченко Т.Н. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма// Экспериментальная психология. - 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 162–176.
5. Теславская О.И., Савченко Т.Н., Кардапольцева А.А., Беловол Е.В. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. - 2017. – Т. 38. – № 6. – С. 52–64.
6. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. – 2012 – № 3(51). – С. 96-107.
7. Шапинская Е.Н. Эскапизм в пространстве массовой культуры // Ярославский педагогический вестник – 2019. – № 1 (106). – С. 180 -185.
8. Duden K. Zitiert aus Hofbeck D. Eskapismus. Die Flucht in mediale Wirklichkeiten – URL: https://www.grin.com/document/384669#c_7 (дата обращения: 25.11.2020).
9. Hobson A. The Oxford dictionary of difficult words. – New York: Oxford University Press, 2004. – 496 p.